

— Ты понимаешь, что я имею в виду, в любом случае, — серьезно посмотрев на него, произнес Линь Фэйши, — если с тобой в будущем что-то случится, мне будет очень больно.

Услышав эти слова, выражение лица Цзян Пэйи стало ледяным. Он долго молчал, слегка наклонил голову, убрал подбородок от пальцев Линь Фэйши, затем опустил взгляд, опершись локтями на расставленные колени, и долго не произносил ни слова.

Линь Фэйси уловил в его черных и безмолвных волосах беззвучное сопротивление.

«Ему это не нравится».

В голове Линь Фэйши внезапно возникла мысль, словно в летнем саду неожиданно поднялся мрачный порыв ветра, который едва не снес красивую беседку с розами. Он подумал: Цзян Пэйи не любит, когда о нем заботятся, не любит, когда за него переживают, когда из-за него страдают.

Для него лучше всего быть полностью свободным, чтобы в этом огромном мире никто не слишком скорбел о его смерти. Тогда он сможет идти вперед, не оставляя себе никакого пути назад.

— ...Я столько лет был в «Черном Грифе», видел многих отличных полицейских под прикрытием, которые погибали после раскрытия их личности, некоторые даже у меня на глазах, но я ничего не мог сделать. Голос Цзян Пэйи был тихим и хриплым, он говорил с трудом, словно впервые откровенно рассказывал кому-то о тех мрачных временах, о кровавых событиях. Эти истеричные моменты часто всплывают перед моими глазами... Я не могу убежать, ради тех, кто пожертвовал собой, ради моих родителей и родных, ради себя самого.

Голос Цзян Пэйи дрожал:

— ...Я не смею жаждать жизни.

Линь Фэйши промолчал.

Цзян Пэйи закрыл глаза, и голос Кунью, словно кошмар, зазвучал у него в ушах:

— А-Чжоу, я слышал от Лао Луна, что они только что раскрыли полицейского под прикрытием, не хочешь пойти со мной посмотреть? Явившийся перед ним изящный наркоторговец с улыбкой подошел к нему и спросил.

— О, — равнодушно ответил А-Чжоу, снял наушники Bluetooth, встал с дивана и пошел с Кунью в камеру пыток.

Еще не войдя, они услышали из щелей железной решетки звуки, от которых кровь стыла в жилах: удары орудий по плоти. Среди потока ругани слышался едва уловимый стон умирающего.

Кунью и А-Чжоу вошли в камеру, и их встретил густой запах гнили и крови. Стальные плети и железные прутья были покрыты ярко-красными пятнами, у ног плескалась полупустая миска с соленой водой, оставляя влажные следы.

А-Чжоу сразу увидел того полицейского.

Глаза человека под прикрытием были залиты кровью, половина лица разъедена щелочным

ядом. Он лежал без одежды на полу, все видимые участки кожи были покрыты кровавыми рубцами, а под ними виднелись белые кости. Самое ужасное было в том, что этот полицейский все еще не умер, его израненная грудь слабо вздымалась, он все еще с трудом дышал — ни один фильм ужасов не мог сравниться с этим зрелищем, от одного взгляда на которое захватывало дух.

А-Чжоу застыл на месте, уставившись на человека на полу.

— Его зовут Ду Хуань, 29 лет, два года назад его направило Управление общественной безопасности провинции Юаньлин под прикрытием. Он действительно быстро продвигался, стал правой рукой Лао Луна, еще пару лет, и он мог бы занять его место. Очень жаль. Кунью подошел к Ду Хуаню, не спеша присел рядом и с улыбкой тихо сказал: Я знаю, у вас, полицейских, есть последний козырь — кто такой Южный Ветер?

Ду Хуань уже не видел и не слышал, его органы чувств были практически уничтожены, он лишь ощущал, как холодная, как змея, аура витает у него в ушах. Сдерживая пронзающую боль во всем теле, он выплюнул кровь из разбитых губ, брызгнув на лицо Кунью!

— Черт!

Лао Лун, словно верный пес, защищающий хозяина, наступил сапогом на голову Ду Хуаня, раздался громкий звук «бах!», и зрачки А-Чжоу резко сузились.

Кунью вытер лицо влажной салфеткой, которую ему поспешно подал подчиненный, и, к удивлению, не разозлился, лишь покачал головой и сказал А-Чжоу:

— Вот что мне не нравится в полицейских, они совсем не гибкие, думают, что они такие гордые и непобедимые, но это лишь добавляет нам развлечения.

А-Чжоу, скрестив руки, оперся о стену, его взгляд был мрачным, он холодно насмехался:

— Я совсем не понимаю ваши так называемые «развлечения», мне это очень, очень шумно и низко.

В «Черном Грифе» мало кто осмеливался говорить с ним так, Кунью невольно поднял бровь.

— Я уважаю всех героев с железной волей, независимо от их позиции. Лицо А-Чжоу было холодным, как лед, он произнес: Вы лишь подлые псы, которые пользуются своим положением, нападают на слабых и глумятся над поверженными. Чем тут гордиться?

Лица всех наркоторговцев в комнате изменились от его намеков.

Кунью, глядя на красивое, но холодное лицо А-Чжоу, внезапно не сдержался и громко рассмеялся:

— Ладно, раз А-Чжоу так сказал, Лао Лун, дай ему быстрый конец.

На лбу Лао Луна был шрам, который делал его особенно зловещим, но перед Кунью он всегда был почитателен, словно самый верный пес, исполнявший его приказы как божественные указания:

— А что делать с телом?

— Полицейские всегда говорят «Всюду на зеленых холмах хоронят верных», просто выбросьте

его на гору, — Кунью, крутя четки, безразлично сказал:

— Орлы в небе уже голодны.

— Да!

Лао Лун схватил голову Ду Хуаня и с силой повернул ее вправо, раздался хруст костей, отдавшийся эхом в стенах. Так этот непокорный молодой полицейский трагически и героически закончил свою жизнь.

А-Чжоу безучастно наблюдал, как они завернули тело в мешок и потащили его наружу, оставляя за собой длинный кровавый след.

С самого начала он был бесстрастен, его отношение было равнодушным и холодным — лишь тонкая струйка крови сочилась из сжатых пальцев, незаметно и без свидетелей.

Наркотоделец посмотрел на него, в его взгляде даже промелькнула доля лести:

— А-Чжоу, теперь ты доволен?

А-Чжоу, не взглянув на него, ушел.

Лицо Цзян Пэйи было бледным, губы бескровные, капилляры на коже просвечивали синевой, скулы высокие, линия подбородка четкая. С высоты взгляда Линь Фэйши его заместитель выглядел почти истощенным.

Скелет Цзян Пэйи не был таким широким, как у обычных мужчин, он был даже слишком хрупким, но при этом твердым, как нерушимая скала. Его дух, казалось, мог выдержать огромный вес, напоминая сосну, стоящую в бурю.

«Я не могу убежать, я не смею жажду жизни».

Эти слова, казалось, пронзили Линь Фэйши, как нож, заставив все его высокопарные слова вернуться обратно в горло. Душа и сердце болели. Он молчал долгое время, прежде чем выдавил:

— Я просто... просто думаю, ты еще молод, впереди долгий путь, и я хочу, чтобы ты смело шел вперед, раз все уже позади, не оглядывайся назад.

Цзян Пэйи устало потер лицо, с легкой усмешкой произнес:

— На самом деле мое психическое состояние всегда было не очень хорошим. Когда я очнулся в больнице, провинция направила ко мне психолога, я проходил терапию больше трех месяцев, чтобы выйти из «состояния стрессовой опасности». Ты, возможно, не знаешь, но полицейские, вернувшиеся из-под прикрытия в преступных организациях, из-за долгого пребывания в маскировке, настороженности, постоянного напряжения и самоизоляции, часто имеют те или иные «последствия».

Цзян Пэйи сглотнул, медленно сказал:

— Те девять лет я общался только с крысами из канализации, жил под землей, практически полностью оторвался от нормального общества. Отрыв был слишком долгим, и мне трудно снова влиться, трудно кому-то доверять. Сейчас у меня есть симптомы эмоциональной недостаточности.

— Поэтому я ненавижу любые человеческие связи, я не умею строить отношения и не хочу, чтобы кто-то переживал за меня. Цзян Пэйи прошептал:

— Для меня лучше всего быть одиноким.

Линь Фэйши вдруг тихо спросил:

— А я тебе не противен?

<http://bllate.org/book/17716/1655694>